

Отзыв с.н.с, зав. межкафедральной археографической лабораторией
Н.В. Литвиной на автореферат и текст диссертационного исследования
В.П. Богданова на соискание степени доктора исторических наук
**«Записи на книгах как источник по книжной культуре и социальной
истории России (на примере изданий конца XV – XVIII вв.)»**

В объемном четырехтомном труде Владимира Павловича Богданова, созданном преимущественно на материалах каталогов кириллических изданий, большинство из которых издано по инициативе, под научным руководством и редакцией И.В. Поздеевой, представлены результаты многолетней работы автора. В автореферате и тексте исследования автор неоднократно подчеркивает, что База данных, созданная на основе указателей к каталогам и полным текстам записей, приведенных в изданиях, позволяет нивелировать информационные недостатки записей или возможные неточности воспроизведения.

В.П. Богданов действительно принимал участие в работе по описанию кириллических книг для трех каталогов в качестве молодого специалиста и на практике познакомился с методикой поэкземплярного описания книжных памятников как исторического источника, разработанной И.В. Поздеевой.

В числе каталогов автор упоминает полевое описание одной верхокамской соборной библиотеки (58 экз.), выполненной А.В. Дадыкиным в 2002 г. в за два рабочих дня, доработанной и отредактированной в Москве и реестр кириллических книг из 15 частных библиотек Южной Вятки, выполненный в разное время с разной полнотой и терминологией несколькими участниками экспедиций, включая В.П. Богданова (44 экз.).

В историографическом обзоре, представленном в автореферате, автор задает максимально широкую ретроспективу изучения кириллической книжности, однако обходит вниманием исследование «Московский Печатный Двор – факт и фактор русской культуры» (А.В. Дадыкин, И.В. Поздеева, В.П. Пушкин), а обобщающую книгу И.В. Поздеевой (2016)

«Человек. Книга. История. Московская печать XVII века» не упоминает и в тексте диссертации. Во многом опираясь на методическую базу и содержание исследований И.В. Поздеевой и ее археографической школы, в частности – классификация записей в указателях каталогов, тематическая фокусировка – тема диссертации фактически совпадает с темой статьи (1978) И.В. Поздеевой по итогам научного доклада «Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник» (1976), В.П. Богданов постарался максимально дистанцироваться от своего учителя. Таким образом, В.П. Богданову, изолировавшему себя на оживленном научном перекрестке, сложно на каждом этапе доказывать научную новизну своей работы. Автор перечисляет множество методов, использованных в работе, в числе которых методы социальной антропологии, и утверждает, что их разнообразие подтверждает достоверность выводов. Владимир Павлович опирается на Базу данных, которая, к сожалению, как удобный исследовательский инструмент остается доступной только своему трудолюбивому создателю.

Еще на этапе обсуждения текста диссертации мы рекомендовали автору обратиться к картотеке описания старообрядческой книжности Верхокамья, включающей более 2000 экземпляров с приведенными записями. Анализ того, что выявлено и учтено в домах старообрядцев и что получено от них в фонды ОРКиР НБ МГУ дает возможность в цифрах и типах книг убедиться, что «рукотворность» территориального собрания Научной библиотеки не помешала репрезентативности, а собрание в ОРКиР – это примерно пятая часть того, что осталось в среде – как количественно, так и качественно.

Приведу несколько вопросов, которые вызывает текст диссертации: «За 1990—2010-е гг., когда поток книг «иссяк» (это связано как с общим уменьшением книг в традиционной среде бытования, так и с ослаблением самой традиции), учтено 46 книг 22 видов». Простые выводы В.П. Богданова – либо-либо – приводят к упрощению самой идеи, даже на уровне высокого

обобщения не хватает фактора человека-старообрядца, который в новых условиях переосмыслил ценность кириллической книги. Не лучшее впечатление производит и очевидное внутреннее противоречие: поток книг иссяк, но учтено 46 книг.

К субъективным и упрощенным выводам автора я бы отнесла и следующий: «Таким образом, мы видим, что в 1960-е и 1970-е гг. старообрядческие общины достаточно легко расставались с богослужебными книгами, сохраняя в своих библиотеках тексты Писания и четьи книги. В данный период вера, значительно потеряв свои позиции в качестве формы коллективной памяти, оставалась ещё формой индивидуальной идентификации. Именно в этот период начинается процесс упрощения богослужебной практики. В частности, она все больше и больше ведется по одной книге – Псалтыри с воследованием. Когда же очередь дошла до четьих книг, можно говорить о кризисе старообрядческой традиции в целом. То, что сейчас старообрядцы готовы расставаться даже с Псалтырью с воследованием, свидетельствует о крайней степени затухания традиции».

Переходя к обобщениям, важно понимать о каком микро-регионе и периоде речь, неоднородны даже Верхокамье и уржумские филипповцы – в разных соборах/братиях происходили и происходят неодинаковые и не всегда синхронные процессы. Тем более, большие обобщения, приводящие к выводам о комплектовании фондов, явно выходят за пределы двух обозначенных беспоповских регионов. Итак, почему автор считает, что вера потеряла позиции как форма коллективной памяти и «оставалась» в прошедшем времени «формой индивидуальной идентификации». Если сохранилась коллективная молитва, почему пропадает все выше обозначенное? Богослужебная практика, как свидетельствуют полевые исследования Верхокамья, после не очень долгого периода упрощения, благодаря образованным самоучкам уже в конце 1990-х гг. возвращается к уставному молению, опять же в разных соборах по-разному.

Комментировать хочется не только выводы автора, но и конкретные примеры: «В этом плане примечательно, что любимым чтением одной представительницы шихалёвской братии в последние годы жизни (т.е. в 1990-е гг.) был ксерокс (!) с издания духовных стихов, который был предоставлен ей, видимо, сотрудниками БАН».

По касательной автор затронул интересные темы – отношения старообрядцев к новинам вообще и печатному тексту в частности, о которых писали многие исследователи и, конечно, И.В. Поздеева. Старообрядцы всегда с интересом относились ко всему новому, что может стать полезным. И если резиновый шланг мог стать соборным вопросом, то полезный печатный текст самого разного исполнения сомнений не вызывал, вспомним гектографы, газеты, старообрядческий самиздат на печатной машинке под копирку и, конечно, ксерокопированные тексты. Тем более, что духовные стихи как книга никогда дополнительно не сакрализировались.

Автор касается портрета современного старообрядческого книжника, приводя пример соседства на полке богослужебных книг с изданием В. Высоцкого: «Во втором случае уникальные памятники остаются в регионе, но уже не являются *основой* библиотеки носителя традиции, а составляют лишь более или менее значимый её *сегмент*. Они могут стоять на одной полке как с более новыми изданиями духовного характера, так и со светскими». Пример, на мой взгляд, достоин существенно более глубокой интерпретации. Книжная полка отражает предпочтения старообрядца, но так ли снижает статус кириллической книги ее соседство с Высоцким в сравнении с книгами, хранящимися среди хозяйственных предметов хоть на полках, хоть в сундуках. Именно упомянутая социальная археография могла бы подтвердить или опровергнуть вывод автора, если бы исследование позволило понять, сколько времени, каким способом человек с этими книгами взаимодействует, какие сюжеты, фрагменты содержания для него наиболее важны и т.д. Возможно, у автора есть полевые материалы, чтобы

развернуть свои выводы, но в сегодняшнем виде они служат упрощению заявленной темы.

Кроме конкретных вопросов по тексту, возникает общее сомнение – если во все времена книга дрейфовала, вполне уходя безвозвратно из личных или церковных рук в другие – в чем принципиальная разница теперешней миграции? Да и собственно в тексте вслед за полувековыми драматическими выводами и прогнозами исследователей о состоянии культуры старообрядчества внезапно автор присоединяется (без ссылок) к другой группе исследователей и в качестве промежуточного итога мы читаем, что современная книжная культура старообрядцев – это механизм адаптации.

Несомненным достижением работы является как разработка системы работы с записями, так и применение ее на таком обширном примере. И тем не менее репрезентативность обобщений, проведенных на выборке каталогов, вызывает вопросы. В то же время открытия не происходит – проверяется и доказывается уже доказанное. Например, «в коллекции мало книг, изначально бытовавших в Сибири. Этот факт наглядно показывает направление миграции книг, совпадающий с вектором расселения самих старообрядцев», действительно и относительно миграции старообрядцев и книг – давно доказанный факт.

Добросовестность автора подчеркивает не только гигантская работа по составлению Базы данных, но и дотошное выявление неточностей в каталогах – двойное описание, ошибки в родственных связях людей, фигурирующих в записях и т.д.

Достоинством работы является неоднократная самопроверка автора на предмет репрезентативности. Не буду анализировать впечатляющую работу по систематизации информации записей и упорядочиванию содержания, где

региона, исторического периода, включая гендерный аспект, реконструкция церковной библиотеки Орла-городка, материал, подтверждающий общую логику комплектования церковных библиотек, условия вкладов и движение книг.

Н.В. Литвина

